

**ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ:
БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ И УСТАНОВОЧНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ**

DOI 10.34685/NI.2026.61.10.005

Поляков Тарас Пантелеймонович,
кандидат исторических наук,
руководитель Центра экспозиционно-выставочной деятельности
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Москва)
Email: polyakov_t@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена одной из главных проблем плановой НИР «Природное наследие в культурном контексте: оригинальные проекты музейных и парковых экспозиций с природной тематикой в современной России и проблемы их реализации», проводимой в Институте Наследия. Автор рассматривает базовые принципы интерпретации природного наследия в культурном контексте, связанные, прежде всего, с диалектикой взаимоотношений Природы и Культуры в истории, в литературе и в пространстве особо охраняемых природных территорий (природных заповедников, национальных парков) и близких к ним музеев-заповедников. В итоге разрабатываются установочные положения для дальнейшего исследования.*

Ключевые слова: *природное наследие, природа и культура, культурный контекст, объекты природного наследия, культурный ландшафт, экология, природные заповедники, национальные парки, музеи-заповедники.*

В настоящее время, как уже отмечалось в предыдущей статье автора [1], в Институте Наследия проводится научно-исследовательская работа по теме «Природное наследие в культурном контексте...», посвященная оригинальным проектам музейных и парковых экспозиций с природной тематикой в современной России и проблемам их реализации. Ее цель – показать перспективные возможности экспозиционной интерпретации объектов и предметов природного наследия в культурном (культурно-антропологическом) контексте, создаваемом в пространстве естественно-научных, исторических, литературных и краеведческих музеев, музеев-заповедников, музеев под открытым небом и национальных парков, способствующие экологическому единству Природы, Человека и Общества. В данной статье делается попытка обозначить некоторые базовые принципы интерпретации природного наследия в культурном контексте, связанные, прежде всего, с диалектикой взаимоотношений Природы и Культуры в истории, в литературе и в пространстве особо охраняемых территорий – природных заповедников, национальных парков и музеев-заповедников. В итоге автор постарается сформулировать установочные положения, являющиеся основой для дальнейшего исследования.

Начнем с того, что в музейной традиции природное наследие обычно воспринимается как совокупность объектов и предметов естественно-научных музеев и соответствующих отделов в краеведческих музеях, а также музеев-заповедников с природными зонами, природных заповедников и национальных парков, имеющих свою, особую специфику в деле сохранения, изучения и интерпретации данного наследия в открытом и павильонном экспозиционном пространстве. С одной стороны, в теории, это действительно так, поскольку каждый музейный профиль обладает подобной спецификой. С другой стороны, на практике, границы музейных профилей – условны, и в последние десятилетия они часто стираются, поскольку наблюдается тенденция к комплексному сохранению и соответствующей актуализации культурного и природного наследия [2].

Напомним читателю, что проблемам взаимоотношения Природы и Культуры, в том числе – в музейном контексте, посвящено значительное количество исследований зарубежных и отечественных философов и культурологов [3]. Одни ученые стараются максимально развести данные понятия, другие – выявить и концептуализировать их органическую связь. Скромный автор данной статьи

относятся ко второй категории. Поэтому, минуя философские дискуссии и отсылая любопытствующих к основным источникам, будем опираться на безусловные факты и признанные авторитеты, говорящие об отсутствии принципиальной границы между понятиями «природа» и «культура».

Начнем с этимологии данных понятий. Слово «природа» происходит от латинского слова «*natura*», в древние времена буквально означавшего «рождение». Лингвисты отмечают, что само слово «природа», появившееся в русском языке, вероятно, через польскую кальку («*natura* – *przyroda*») [4], обозначает непосредственно сам процесс рождения (при – рода). В античной философии слово «*natura*» чаще всего использовалось как латинский перевод греческого слова *physis* (φύσις), которое изначально относилось к внутренним характеристикам растений, животных и других объектов мира, развивающихся естественным путем. Причем само слово φύσις – «природа» – происходит от глагола φύω, что означает «выращивать», «рождать», «производить на свет». Отметим, что в данном контексте это «рождение – выращивание» происходит как бы само собой, без активного участия внешних сил, в том числе – человека (исключая, конечно, сам акт его рождения).

Теперь обратимся к этимологии слова «культура». Существует мнение, что это слово произошло от церковного «культы». Однако корни данного слова уходят гораздо глубже и связаны с... природопользованием. Точнее – с процессом возделывания и обработки земли. Это уже позже данный термин стал обозначать целый комплекс понятий, связанных сначала с почитанием предков, с поклонением богам, ну, а далее – со сложившимися в обществе духовными и материальными ценностями, нормами, обычаями, верованиями, обрядами, знаниями, умениями и т. п.

Обратившись к историческим фактам, мы узнаем, что латинское слово *cultura* в древности означало не менее и не более чем «возделываю, обрабатываю землю» [5]. То есть в природные процессы, в сферу это самой «натуры» органично вмешивался Человек, создающий, пока еще на обрабатываемой земле, другую, пока еще агрокультуру. Как известно, впервые данное слово встречается в трактате Марка Порция Катона Старшего о земледелии *De Agri Cultura* (ок. 160 г. до н. э.). Отметим, что его трактат был посвящен не просто технической обработке земли как важнейшей части Природы, но и тщательному и бережному уходу за полем, осуществляемом со стороны Человека. То есть подобный подход предполагал не только физическое возделывание земли, но и особое душевно-человеческое отношение к ней. Своим читателям – будущим приобретателям и возделывателям земельного участка – Катон советовал не лениться и обойти покупаемый участок земли несколько раз. Концепт заключался в том, что, по мнению Катона, чем чаще осматривать участок, тем больше он будет нравиться будущему возделывателю земли. В этом глаголе «нравиться» и состоит ключевой смысл нового понятия «культура»: если его нет, то не будет и хорошего ухода за участком живой Природы. То есть не будет Культуры [6].

Итак, вводя понятие «культура», означающее «возделывание, улучшение и почитание земли», Марк Порций Катон Старший впервые обозначил им тесное сотрудничество Человека с Природой, направленное на получение взаимной пользы. Ведь, с одной стороны, при подобном сотрудничестве Человек берет от естественной Природы ее материально-физические составляющие, постигает ее тайны и смыслы, учится у нее. Но, с другой стороны, в ответ он обогащает Природу творчеством своего труда, одухотворяет ее, создавая новую природу, названную Культурой. Однако если его действия будут направлены на разрушение Природы, они в итоге разрушат и самого Человека, являющегося частью этой Природы, живущего в ней. И значит, подобные разрушительные действия не могут являться результатом высшей сознательной деятельности Человека, проявлением которой и является человеческая Культура.

Вот такая железная логика существовала в античном мире Катона, где формировалось, в том числе, искомое ныне понятие «экология», связанное с построением земного Дома, где уживаются Природа, Человек и его Культура. Однако в более поздние времена понятия Природа и Культура стали постепенно разводиться, создавая в их полях (дискурсах) свои собственные и мало совместимые парадигмы. Например, в трактате российского ученого-медика и философа-шеллингианца Д. М. Велланского «Основные начертания общей и частной физиологии или физики органического мира» понятия *Натура* и *Культура* резко противопоставлены [7]. По мнению ученого, существует три царства *Натуры* – ископаемое, растительное и животное, которые альтернативны трем областям *Культуры*, заключающим в себе предметы Искусств, Наук и Нравственного Образования. Считается, что именно с данного сочинения, изданного в нашем Отечестве, следует вести отсчет не только

введению в научный обиход термина «культура», но и становлению собственно культурно-философских идей в России.

Вместе с тем, во второй половине XIX в., когда на смену идеалистам-шеллингианцам пришли суровые материалисты типа Н. Г. Чернышевского, поставившего Природу во главе всех углов, данное разделение несколько сократилось. Ведь в своей диссертации [8] автор определил искусство как «воспроизведение природы и жизни», а об одном из ключевых понятий эстетики и человеческой культуры написал следующее: «прекрасное есть жизнь», сократив до минимума расстояние между Природой и Культурой. Затем, на рубеже XIX–XX вв. некоторые русские философы-идеалисты вновь попытались провести принципиальную границу между Природой и Культурой [9], другие подчеркивали их единство в сфере красоты [10], а в искусстве Серебряного века, в уникальном русском модерне растительные и цветочные мотивы Природы органично входили в произведения Культуры [11].

В итоге в драматическом XX в. проблема взаимоотношения Природы и Культуры только обострилась. Одни ученые инициировали «крестовый поход» Культуры на Природу: «Нам нельзя ждать милостей от природы, взять их – наша задача» [12]. Другие – призывали к резкому отделению Природы от Человека ради ее сохранения в специальных «заповедниках» и «заказниках». Третьи – настаивали на гармоническом единстве Природы и Культуры через творческую деятельность Человека, на выгодном взаимодействии этих составляющих в традициях античности. Не будем пересказывать все концепции и литературные труды, как научно-философские, так и художественные. Остановимся на наиболее знаковых.

На наш взгляд, краеугольным камнем в дальнейших дискуссиях о единстве или противостоянии Природы и Культуры в XX в. послужили труды двух ученых-идеалистов: Рудольфа Штейнера и Николая Бердяева.

Рудольф Штейнер, австрийский доктор философии и мистик, популярный в России, принимая эволюционные взгляды Ч. Дарвина и Э. Геккеля, концептуально расширил их и блестяще вывел за пределы материалистических выводов. По его мнению, человеческое сознание и его основной результат – вся человеческая Культура – являются не больше и не меньше чем следствием природной эволюции, превосходящей, в итоге, саму себя. То есть, согласно Штейнеру, Природа становится самознательной, познающей саму себя в разумном человеческом существе, в его Культуре [13].

Иную точку зрения высказывал младший современник Штейнера, но не менее авторитетный ученый, российский философ Н. А. Бердяев [14]. Перешагивая через «природную» этимологию понятия «культура», он считал, что оно связано только с понятием «культ», что человеческая культура развивается из религиозного культа, что она есть не итог развития Природы, как утверждал, Штейнер, а результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Бердяев утверждал, что философская мысль, научное познание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль – всё заключено органически целостно в церковном культе, в форме, еще не развернутой и не дифференцированной [15]. Ведь, по мнению философа, древнейшая из Культур – культура Египта началась в храме, и ее первыми творцами были жрецы. Культура, согласно Бердяеву, всегда была связана с традицией, с преданиями и культом предков. Поэтому она наполнена священной символикой, сакральными знаками и символами-подобиями иной, духовной действительности Человека. Более того, всякая Культура, включая материальную, есть Культура духа, и всякая Культура имеет духовную основу – она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями. Отметим – не результат эволюции Природы, как у Штейнера, а «работа духа над природными стихиями», позволяющая, следуя данной логике, потенциальную и бескомпромиссную борьбу с этими «стихиями», стоящими, согласно данной логике, гораздо ниже человеческой Культуры.

Двух философов мог бы примирить уникальный советский поэт Н. А. Заболоцкий, посвятивший практически всё свое позднее творчество проблеме, обозначенной в данной статье. По его мнению, исходящему из утверждения ученых-биологов, Природа обладает зачатками сознания. Это сознание, согласно К. А. Тимирязеву, «глухо тлеет в низших существах и только яркой искрой вспыхивает в разуме человека». Поэтому, утверждает Заболоцкий, «именно Человек призван взять на себя заботу о преобразовании природы, но в своей деятельности он должен видеть в природе не только ученицу, но и учительницу, ибо эта несовершенная и страдающая “вековечная давящая” заключает в себе прекрасный мир будущего и те мудрые законы, которыми следует руководствоваться человеку» [16].

Следует отметить, что данная точка зрения во многом опиралась на учение В. И. Вернадского о взаимоотношениях биосферы и ноосферы. Как писал мудрый ученый, «в биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного» [17]. При этом академик Вернадский вовсе не был антропоцентристом, поскольку считал, что Человек не является самодостаточным живым существом, живущим отдельно по своим законам, что он сосуществует внутри Природы и является частью ее. По его мнению, человечество должно учитывать и сохранять природные особенности и закономерности в ходе развития общества и среды, поэтому экологизация должна проникать во все сферы деятельности Человека, а одна из главных задач человеческой Культуры – формирование экологического мышления и экологического сознания [18].

Чтобы лучше понять диалектику взаимоотношений Природы и Культуры, обратимся к наиболее популярному образу этой Природы, нашедшему место в произведениях искусства и художественной литературы. Речь идет об образе Леса – наиболее концентрированном символе таинственной и, одновременно, активной Природы. С одной стороны, на уровне физической реальности, в этом широком образе собраны практически все природные компоненты, характерные для центральной России, начиная с растительного и заканчивая животным миром. С другой стороны, на метафизическом уровне, данный символ еще со времен Данте используется как обозначение кульминационной зоны экзистенциального пространства, где герой призван определить свое истинное «я». Напомним читателю вступление в «Божественной комедии»: «Земную жизнь пройдя наполовину, я оказался в сумрачном лесу...». Именно здесь происходит выбор дальнейшего пути лирического героя этой поэмы. В русском фольклоре, согласно концепции В. Я. Проппа, сказочный образ леса отражал мотивы древнего ритуала – инициации, посвящения в совершеннолетие. Фольклорный герой, попадавший в лес, не мог избежать одного символического объекта: чтобы достичь «иног царства», он должен был неизбежно пройти сквозь легендарную избушку «без окон» или «расщепленное дерево». Это – граница между реальным и метафизическим миром: герой «умирал», чтобы возродиться в ином качестве, стать полноценным членом сообщества [19].

Все эти и подобные «лесные» мотивы активно использовали русские писатели, например, А. Н. Островский и Л. М. Леонов, написавшие в честь Леса одноименные пьесу и роман, где, помимо прочего, выразили существенные проблемы взаимоотношения Природы и Человека. Но в большей степени эти проблемы нашли концептуальное отражение в двух принципиально антагонистических произведениях: в «Повести о лесах» К. Г. Паустовского (1948 г.) и в романе «Улитка на склоне» братьев А. Н. и Б. Н. Стругацких (1965 г.). Отметим, что между этими произведениями было всего семнадцать лет разницы, но их концепции резко контрастировали.

В «Повести о лесах» дикая Природа и человеческая Культура находятся в гармоничных отношениях. Человек изучает Лес и помогает ему восстанавливаться в критических ситуациях пожара или войны, а Лес, в свою очередь, обеспечивает человечество всеми необходимыми условиями для ведения успешной хозяйственной и духовной жизни. Причем у Леса есть даже активный и фанатичный апологет, стремящийся склонить гармонию Природы и Культуры в сторону первой. Это – профессор Лесного института Багалея. Он – настоящий фанатик леса и ярый противник городов, пропагандирующий идею тотального лесонасаждения и переселения в данный «экос» всего городского населения. Однако главный герой повести, писатель Леонтьев, своего рода двойник Паустовского, восстанавливает концептуальную гармонию: он едет в Лес работать простым лесником-объездчиком, чтобы постичь эту таинственную Природу. В итоге Лес хоть и «потряс его дикостью и красотой», но «усталость от работы в лесу была легкая... она не мешала Леонтьеву писать» [20]. Более того, он не остается в Лесу навечно, возвращается в город, поскольку, в отличие о Багалея, не видит противоречий между лесной Природой и человеческой Культурой. В этом неизбежном гармоническом единстве физической Природы и духовной Культуры состоит главная идея повести К. Г. Паустовского.

В романе братьев Стругацких «Улитка на склоне», написанном в середине 1960-х гг., в разгар ударных комсомольско-коммунистическихстроек и покорения окружающей природной среды, всё обстоит иначе. По мнению писателей [21], человеческая Культура обернулась самым пошлым «Управлением по делам леса», сотрудники которого формально призваны постичь Природу таинственного и враждебного Леса, но фактически гадят на этот Лес, на эту Природу с высоты своего «цивилизованного сортира», построенного над обрывом. Данный «обрыв» символизирует не только физическую границу между

диким Лесом и его бюрократическим Управлением, но и внешний разрыв между непонятой Природой и опошленной человеческой Культурой. Причем, по мысли авторов, Лес здесь не выглядит и не становится пассивной жертвой, он предельно активен и агрессивен, нападает на противника и даже берет пленных, создавая из них природных зомби, потерявших память и способность к творческому мышлению. Применяя к данной концепции известный «треугольник Карпмана» [22], трудно сказать, кто тут «хищник», и кто тут «жертва». Причем в нашем музейном контексте эта идея интересна еще и тем, что, несмотря на демонстрацию катастрофического внешнего конфликта дикой Природы и цивилизационной Культуры, в романе сохраняется внутренняя, органическая связь между двумя «противниками», способными проникать друг в друга, создавая новые сюжетные повороты и образы. Однако следует помнить, что роман «Улитка на склоне» принадлежит к области социально-философской фантастики, в реальной жизни подобная вражда неизбежно приводит к глобальным катастрофам.

Итак, на основе двух знаковых произведений отечественной литературы можно сделать вывод, что Человек является активным посредником между Природой и Культурой. Он способен либо объединить эти две ипостаси в целостном и гармоничном Доме (Экосе), либо разделить их на две антагонистические силы с потенциально смертельным исходом для всех участников данного процесса. Так что основная проблема заключается в степени воздействия Человека, создающего духовную и материальную Культуру, на первичную Природу: если он оказывает принципиальное давление, то получается дисгармония, как в «Улитке на склоне», если он пытается понять и помочь, вводя аккуратно Природу в свой культурный контекст, то создается гармония, как в «Повесть о лесах».

В научной и социальной сферах с данной проблемой связаны такие понятия, как биоцентризм, антропоцентризм и экология. На сегодняшний день активно противостоят две концепции – биоцентризм и антропоцентризм. Крайний биоцентризм подразумевает независимое существование и развитие естественной Природы вне Человека. Более того, с точки зрения многих биоцентристов Человек и человечество вовсе не являются закономерным итогом развития Природы, и даже наоборот, связаны с одним из ее тупиковых направлений развития. Поэтому человеческие общества должны жить в своих экологических пределах, чтобы все другие виды Природы могли продолжать процветать и развиваться вне этой чуждой и враждебной силы [23].

В свою очередь антропоцентризм провозглашает активную и решающую роль Человека в освоении и развитии Природы, поскольку данный homo sapiens является итогом или, иначе, «венцом» ее развития, способным придавать этому процессу некоторую осмысленность, фиксируемую в человеческой Культуре. Крайний антропоцентризм предполагает, что Человек – высшая ценность, а природа воспринимается как обезличенная окружающая среда, которую человек осваивает исходя из собственной выгоды. Цель взаимодействия с Природой – удовлетворение практических потребностей цивилизованного Человека [24].

Примиряет данные крайности экология, воспринимаемая в культурологическом, а не в биологическом смысле данного понятия, и рассматривающая Природу как полноправного субъекта взаимодействия с Человеком и человечеством в общем Доме, где обе стороны, проявляя свои особенности и удовлетворяя свои потребности, не должны нарушать экологического равновесия и гармонии сосуществования естественной Природы и человеческой Культуры [25].

Таким образом, если в биоцентризме акцент делается на Природе, в антропоцентризме – на Человеке, то в экологии – на гармоническом взаимодействии Человека и Природы, учитывающем при этом разные взгляды на ценности и ответственность за окружающую природную и культурную среду. Эти «разные взгляды» формируют целую сеть особо охраняемых природных территорий (ООПТ), формализуемых в разных учреждениях природоохраны. То есть при всем равноправии обитателей общего Дома – Природы и Человека строит этот Дом разумный Человек, осмысленно и осторожно включая Природу в культурный контекст. Ведь именно с выделения данных природных территорий и начинается этот «культурный контекст» для дикой Природы и объектов природного наследия.

На сегодняшний день существует определенная градация в сети подобных объектов, характеризующая степень взаимоотношения Природы и Культуры. Всё начинается с выделения и организации традиционных форм ООПТ – природных заповедников, призванных охранять и восстанавливать наиболее ценные природные ландшафты и объекты природного наследия. Причем, несмотря на то что

они относятся к природоохранным ведомствам, культурный контекст проявляется в самом принципе «заповедности» – сакральности, трансформирующейся в научную организацию процесса охраны и воспроизводства объектов природного наследия, куда, как правило, запрещен вход для массовых и стихийных туристов, но где разрешается деятельность избранной публики, т. е. «посвященных» и «неофитов»: ученых и организованных небольших туристических групп, постигающих заповедные тайны уникальных природных ландшафтов [26].

Сделаем небольшое отступление. В городских условиях создаются цивилизованные и искусственные мини-аналоги подобных заповедников – ботанические сады, дендрарии, зоологические сады и т. п. объекты, демонстрирующие условные модели «дикий Природы». Очень часто они входят в структуру городских парков, биологических музеев или иных «зеленых зон», отводимых для отдыха и проведения досуга. Понятно, что культурный контекст в подобных природных пространствах значительно усиливается по сравнению с их первобытными прообразами и ландшафтами.

Теперь – самое главное. Как только в подобных природных пространствах обнаруживаются значимые объекты и памятники Культуры, речь идет уже не просто о ландшафтах, а о культурных ландшафтах. То есть – о природно-культурных комплексах, созданных в процессе исторического взаимодействия Природы и Человека. Казалось бы, в подобных культурных ландшафтах уже в силу самого названия акцент должен ставиться на культурных объектах. Но в данном названии скрыта потенциальная гармония Природы и Культуры. Более того. Бывают культурные ландшафты без формальных памятников культуры, так называемые ассоциативные ландшафты [27], создающие новые смыслы посредством своего эстетического потенциала, вызывая восторг и удивление, переходящие у творческих людей во вдохновение – духовную основу для создания оригинального произведения музыкального, изобразительного или вербально-литературного искусства [28]. Это – тоже культурный контекст для объектов природного наследия.

В общем, в подобных случаях создаются уже не природные заповедники, а национальные парки, где бывшая «дикая природа» представлена в более сильном культурном контексте. Он связан с изучением и актуализацией объектов культурного наследия, органично вписанных в обширные природные территории, где сохраняются отдельные заповедные зоны, но остальное пространство предназначено для организованного туризма, требующего соответствующей инфраструктуры и использования объектов культуры в музейно-туристических целях [29].

Дальнейшее усиление культурного контекста, усиление степени участия и влияния объектов культуры в природных и культурных ландшафтах характеризует такие формы природной и культурной охраны и актуализации наследия как экомuzeи, музеи под открытым небом, музейно-парковые комплексы и, наконец, музеи-заповедники. Подчеркнем, что в России именно музеи-заповедники являются наиболее традиционными и юридически узаконенными формами комплексной охраны культурного и природного наследия, где влияние объектов и памятников культуры создает наиболее сильный культурный контекст для окружающей Природы. По сути – это те же природные заповедники, только уже для объектов Культуры [30], требующих поклонения, охраны и постоянной реанимации-реставрации. Что же касается бытийных (не юридических) отличий национальных парков от музеев-заповедников, то они довольно просты и, на наш взгляд, связаны с переходом количества в качество:

– если довлеют объекты культурного наследия, являясь уникальными центрами культурных ландшафтов («историко-культурных заповедников»), организуется, как правило, музей-заповедник;

– если на относительно большой территории довлеют объекты природного наследия, в системе которых обнаруживаются отдельные объекты и памятники культурно наследия, создается национальный парк.

Как уже отмечалось, эти альтернативные формы сохранения и актуализации наследия относятся к разным государственным структурам: национальные парки, как и природные заповедники, подчиняются природоохранным министерствам и ведомствам, а музеи-заповедники – министерствам и управлениям культуры. Всё это создает дополнительные проблемы для исследуемой темы, посвященной влиянию культурного контекста на объекты и памятники природного наследия.

Наконец, вынося отдельные объекты и памятники природного наследия из естественной среды и внося их в павильонное пространство музеев – не только естественно-научных и краеведческих, но и, как отмечалось в предыдущей статье автора, исторических и литературных, – апологеты подобной музеефикации природного наследия доводят культурный контекст до его высшего уровня. Ведь, попадая в экспозиционное пространство, казалось бы, непрофильных музеев, объекты и предметы природного наследия проявляют себя с неожиданной стороны, создавая в этом предельно культурном контексте новые, оригинальные смыслы, укрепляющие органические связи естественной Природы и человеческой Культуры [31].

Итак, предлагаем следующие установочные положения, лежащие в основе нашего исследования и интерпретации объектов природного наследия в культурном (музейном) контексте:

– Природа и Культура априори не противопоставлены друг другу, а находятся в диалектической взаимосвязи (исходное положение);

– понятие «культура» хоть и связано с понятием «культ», но ведет свое начало от природной сферы (от агрокультуры, культуры природопользования и т. п.), что обуславливает тесную связь Природы и Культуры на протяжении всей человеческой истории;

– Культура есть высшая форма развития Природы, познающей саму себя в разумном человеческом существе (Р. Штайнер), в сфере человеческого разума, в ноосфере (В. И. Вернадский);

– крайнему биоцентризму и крайнему антропоцентризму противостоит экология, в том числе – «экология культуры» (Д. С. Лихачёв);

– изоляция или столкновение Природы и человеческой Культуры может привести к катастрофе, а разумное взаимодействие – к гармонии и единому Дому (Экосу);

– культурный контекст для природных объектов начинается с определения «особо охраняемых природных территорий» (ООПТ) и позволяет раскрывать внутренние особенности объектов природного наследия, входящих в природные или культурные ландшафты;

– природные заповедники, национальные парки и музеи-заповедники отличаются не только формальным статусом, но и определенной степенью культурного контекста для природных объектов;

– наибольшей степенью культурного контекста для объектов природного наследия, находящихся под открытым небом, традиционно обладают музеи-заповедники, где на объектах культурного наследия делаются особые акценты в сохранении и интерпретации местных ландшафтов;

– попадая в закрытое музейно-экспозиционное пространство, многие объекты природного наследия, ставшие музейными предметами, не только раскрывают свои естественные особенности, но и получают в данном культурном контексте новые и оригинальные смыслы.

Однако, чтобы разобраться с последним феноменом и решить дополнительные проблемы и вопросы, часто возникающие между музейными биологами и музейными культурологами, необходимо сначала понять онтологическую суть природных объектов и предметов. Именно этой проблеме будет посвящена наша следующая статья.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Поляков, Т. П.* Природное наследие в культурном контексте: предметы из естественно-научных коллекций в экспозициях исторических и литературных музеев. – DOI 10.34685/ИИ.2025.36.72.030. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 3(61). – С.106-116. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/717.html&j_id=65 (дата обращения: 15.02.2026).

[2] *Молокова, Т. А.* Сохранение культурного наследия в России: исторический обзор // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 4(60). – С. 83-86; *Черных, Д. В.* Сохранение природного наследия России в

- контексте наследования идей и традиций: без права на забвение // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. – 2017. – № 2(45). – С. 73–80.
- [3] Например, см.: *Швейцер, А.* Культура и этика / Пер. с нем. Н. А. Захарченко и Г. В. Колошанского ; общ. ред. В. А. Картушина. – Москва : Прогресс, 1973. – 235 с.; *Маркарян, Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. – Ереван : Изд-во АН АрССР, 1973. – 147 с.; *Каган, М. С.* Философия культуры. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. – 415 с.; и многие др.
- [4] Например, см.: *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / Пер. и доп. О. Н. Трубачёва ; 4-е изд., стереотип. – Москва : Астрель ; АСТ, 2004. – Т. 3. – 830 с.
- [5] См. *Катон, М. П.* Земледелие = De agri cultura liber : De agri cultura liber / Марк Порций Катон ; пер. и коммент. М. Е. Сергеев. – Москва : Ладомир ; Наука, [1998]. – 219 с. [Репринт. изд. 1950 г.]
- [6] История слова «культура» // Культуролог : [сайт]. – URL: <https://culturolog.ru/content/view/2028/> (дата обращения: 15.02.2026).
- [7] Д. М. Велланский (1774–1847) – академик и заслуженный профессор Императорской Санкт-петербургской медико-хирургической академии. См.: *Велланский, Д. М.* Основное начертание общей и частной физиологии, или физики органического мира, сочиненное академиком и заслуженным профессором Императорской Санкт-петербургской медико-хирургической академии, действительным статским советником Даниилом Велланским : Для руководства к преподаванию физиол. лекций. – Санкт-Петербург : Гуттенбергова тип., 1836. – 502 с.
- [8] *Чернышевский, Н. Г.* Эстетические отношения искусства к действительности // *Чернышевский, Н. Г.* Полное собрание сочинений : в 15 т. – Москва : Гослитиздат, 1949. – Т. 2. – С. 5–92.
- [9] *Бердяев, Н. А.* Смысл истории. – Москва : Мысль, 1990. – 175 с.
- [10] *Соловьев, В. С.* Красота в природе // Философия искусства и литературная критика. – Москва : Искусство, 1991. – С. 30–73; *его же.* Философские начала цельного знания. Кризис западной философии (против позитивистов). – Москва : Игмосс Эдишинз, 2012. – 383 с.
- [11] *Графова, Е. О.* Влияние ботанических исследований на развитие стиля модерн в Западной Европе и России (конец XIX – начало XX веков) // Наследие веков. – 2021. – № 4. – С. 103–115. – DOI 10.36343/SB.2021.28.4.007.
- [12] *Мичурин, И. В.* Итоги шестидесятилетних работ [по выведению новых сортов плодово-ягодных растений] / 4-е изд., пересм. и доп. – Москва : Сельхозгиз, 1936. – 490 с.
- [13] *Штайнер, Р.* Антропософия. Фрагмент // пер. Л.Б. Памфиловой. – Москва : Титурель, 2005. – 504 с.
- [14] *Бердяев, Н. А.* Указ. соч. С. 166–167.
- [15] Как не трудно заметить, данную мысль позднее развил русский философ Павел Флоренский в статье «Храмовое действо как синтез искусств» (1918), однако он никогда не проводил резкой границы между природой и культурой.
- [16] См.: «Я воспитан природой суровой...»: к 120-летию со дня рождения Н. А. Заболоцкого, русского поэта // Хабаровская краевая специализированная библиотека для слепых : [сайт]. – 07.05.2023. – URL: <https://hksbs.ru/novosti/ya-vozpitan-prirodoy-surovoy-k-120-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-n-a-zabolockogo-russkogo-poeta/> (дата обращения: 15.02.2026).
- [17] *Вернадский, В. И.* Автотрофность человечества // Электронный Архив В.И.Вернадского : [сайт]. – URL: https://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/Vernadsky_V.I._Avtotrofnost_Chelovechestva.html (дата обращения: 15.02.2026).
- [18] *Грачев, В. А.* Учение В. И. Вернадского о ноосфере как основа устойчивого развития // Юг России: экология, развитие. – 2015. – № 10(3). – С. 16–23.
- [19] См.: *Пропп, В. Я.* Исторические корни волшебной сказки // Вступ. ст. В. И. Ереминой; 2-е изд. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. – 364 с.
- [20] *Паустовский, К. Г.* Повесть о лесах. – Москва : Детгиз, 1949. – 208 с.
- [21] В романе «Улитка на склоне» множество концептуальных и зашифрованных идей и потенциальных интерпретаций. В данном случае мы выбираем одну из возможных интерпретаций образа Леса и Управления, близких к исследуемой нами проблеме.
- [22] Треугольник Карпмана – это психологическая и социальная модель взаимодействия между людьми, предложенная Стивеном Карпманом в 1968 г. и описывающая три привычные социальные роли: жертва, преследователь и спасатель.
- [23] *Крайнов, А. Л.* Биоцентризм как модель экологического развития общества: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2020. – Т. 10, вып. 2. – С. 129–133.

- [24] Ясвин, В. А. Философские парадигмы отношения к природе в культурах Запада и Востока // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. – 2021. – Т. 2, № 1. – С. 20–36.
- [25] См.: Лихачев, Д. С. Экология культуры // Прошлое – будущему : статьи и очерки. – Ленинград : Наука, 1985. – С. 49–63.
- [26] К сожалению, очень часто в реальной жизни современных природных заповедников и природных заказников всё обстоит гораздо сложнее, но мы здесь ориентируемся на нормативно-правовую ситуацию, определяемую законом. См.: Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ru : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/10107990/> (дата обращения: 11.11.2025).
- [27] Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия (первое печатное издание – 1999 г.) // UNESCO World Heritage Centre : [сайт]. – URL: <https://whc.unesco.org/archive/opguide-rus.pdf> (дата обращения: 11.11.2025).
- [28] Одним из примеров подобных ассоциативных ландшафтов может служить так называемый «лес Римского-Корсакова», находящийся в Лужском районе Ленинградской области, недалеко от о. Врево.
- [29] См. статью 2 в Федеральном законе от 14 марта 1995 г. N 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (с изменениями и дополнениями). Отметим, что в число ООПТ входят, помимо природных заповедников и национальных парков, природные парки, природные заказники и т.п. территории и объекты. Но именно природные заповедники и национальные парки являются наиболее знаковыми ООПТ, выражающими, в том числе, суть исследуемой проблемы.
- [30] См. статью 57 в Федеральном законе № 73-ФЗ и статью 26.1 в Федеральном законе № 54-ФЗ: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ru : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/12127232/>; Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант.ru : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/123168/> (дата обращения: 11.11.2025).
- [31] Поляков, Т. П. Природное наследие в культурном контексте: предметы из естественно-научных коллекций в экспозициях исторических и литературных музеев. – DOI 10.34685/HI.2025.36.72.030. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 3(61). – С. 106-116.

NATURAL HERITAGE IN A CULTURAL CONTEXT: BASIC PRINCIPLES AND GUIDELINES OF THE STUDY

Polyakov Taras Panteleymonovich,

PhD in History,
Head of the Museum expositions development Center,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to one of the main problems of the planned research "Natural Heritage in a Cultural Context: Original Projects of Museum and Park Expositions with Natural Themes in Modern Russia and the Problems of Their Implementation", which is held at the Russian Heritage Institute. The author considers the basic principles of interpreting natural heritage in a cultural context related to the dialectics of the relationship between Nature and Culture in history, in literature and in the space of specially protected areas (nature reserves, national parks, museum-reserves). As a result, guidelines are being developed for further research and understanding of the features of updating natural heritage in a cultural context using museum tools.*

Keywords: *natural heritage, nature and culture, cultural context, objects of natural heritage, cultural landscape, ecology, natural reserves, national parks, museums-reserves.*

© Поляков Т.П., текст, 2026
Статья поступила в редакцию 12.03.2026.

Ссылка для цитирования:

Поляков, Т. П. Природное наследие в культурном контексте: базовые принципы и установочные положения исследования. – DOI 10.34685/HI.2026.61.10.005. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2026. – № 2(64). – С. 4-12. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/748.html&j_id=68.